

Александр
Образцов

Ужатые КНИГИ

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2010

УДК 821.161.1
ББК 84.(2)6
О23

Образцов А.

О23 Ужатые книги / А. Образцов. — СПб. : Алетейя, 2010. — 288 с.

ISBN 978-5-91419-401-4

«Ужатые книги» Александра Образцова являются редкой книгой. В ней в равной пропорции соединены примеры прозы, поэзии, драматургии и эссе. Несколько десятилетий он работает в разных жанрах.

Проза публиковалась в центральных журналах «Новый мир», «Грани», «Звезда» и др. Стихи — преимущественно за границей, в русских журналах Нью-Йорка, Франкфурта-на Майне. Пьесы шли и идут в театрах Петербурга, Москвы, Тбилиси, Цюриха, Брюсселя. Эссе — в основном в газетах «АиФ», «Независимой», «Литературной газете», «Час пик», «Вечерний Ленинград».

Сам автор считает основным качеством писателя способность правильно располагать слова. Тогда в соединениях слов возникает неизвестное доселе знание.

Завершают книгу «Максимы», где новое знание достигает большой концентрации.

УДК 821.161.1
ББК 84.(2)6

ISBN 978-5-91419-401-4

9 785914 194014

© Образцов А., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Первая книга

Рассказы

Двести лет Льву Толстому

Конечно, не двести. Лев Николаевич Толстой родился 28 августа (9 сентября) 1828 года.

Меня всегда бесила эта привычка: не делать как все, а потом исправлять. Кому понадобилось сохранять этот чёртов старый стиль, если доказано на пальцах, как дважды два — Земля накопила ошибку! Что тут непонятного?

Что, неодушевлённое тело не может накопить ошибку? А кто сказал, что Земля — неодушевлённое тело? она пишется с заглавной буквы! Может быть, Земля — это такая небесная корова, которая пасётся в нашем углу Млечного пути. А мы — крошечные микробы на её боках. Размышляем о Боге, не подозревая того, что наш Бог — это Земля. И ей совершенно начхать на наши существования. Если даже мы взорвём все свои грозные атомные бомбы, бурёнка только пёрнет от неожиданности.

И здесь, на этом вираже мысли, надо сделать одно из двух: напиться или думать дальше. Дальше, естественно, возникает пастух данного Млечного пути. Пастух, играющий на свирели за пределами наших телескопов. И это утешает. Дальняя перспектива всегда утешает. Кажется, что там тебе есть чистый и уютный уголок, там младшие сёстры о чем-то оживленно галдят поутру, там мама приходит с мороза, там папа на работе. Всё-таки лучшее, что придумал человек в философии, религии и литературе — это многоточие...

Однако Лев Толстой объявлен. Ему двести лет. Нет, сто семьдесят семь. Но это немного. Немного. И хотя он болел пещенью, сидел на диетах, но образ жизни писателя был очень здоровый. И не случайно он Чехову признавался о похотливых

своих мучениях. Здоровье надо иметь для похоти. Так что сто семьдесят семь лет это не так много. К тому же имея небывалую в истории литературы прижизненную славу, миллионы почитателей таланта, он мог стать объектом всего научного мира в качестве пациента. Они могли бы объединить все свои усилия — Мечников, Сеченов и молодой академик Нобелевский лауреат Павлов — и сообща сохранить старика для потомства.

Если бы они еще могли представить себе Семнадцатый год... Да они бы тогда не спали неделями в поисках эликсира, чтобы омолодить Льва Толстого! Они бы разве допустили, чтобы старик в плохую погоду ушел от жены, простудился и погиб? Они бы ему в Военно-медицинской академии в Питере целый этаж выделили и специальных медсестер в темных чулках, если это его так бодрит: пусть старик молодеет!

И вот приходит Четырнадцатый год. Немцев англичане обрабатывают против России. Австро-Венгрия не подозревает, что жить ей осталось всего ничего. Франция как всегда между трипперами. Что в этом чаду делает Толстой, которому всего-то навсего 86?.. Да что такое 86? Это начало жизни. А уважение мира к старику? Конечно, в мире из-за медсестёр над ним посмеиваются, но так — любовно, думая при этом о самих себе: вот, мол, и мне бы в 86 этакий букет — утром с уткой блондинка сероглазая, следом с компотом шатенка орехового цвета, а брюнетка ввечеру.

Сербов Толстой в войну не допустил бы. Сам бы, кряхтя и матюгаясь, сел в поезд вместе со своими сотрудницами и — в Вену. Там бы он по-стариковски с Францем-Иосифом посидел пару вечеров за сливовицей, да персоналом с ним обменялся на эти дни — и никаких претензий не осталось бы ни у Франца ко Льву, ни у Льва к австрийским девушкам.

Однако тень Распутина. Война войной, а сына лечить надо. И народ волнуется. Ему как бы положено восставать, а Лев Толстой революцию отменил. Что-то вместо революции надо изобрести. Думает Толстой месяц, думает год — ничего придумать не может против евреев.

Наконец, совсем в унынии смотрит в окно на то, как его медсестрички с его детишками к пруду направляются с коньками подмышкой и даже подскочил от удачной идеи: Олимпийские игры, так их разэдак! Вне очереди! Как ветерану Крымской войны!

Евреи стусеивались. Против Олимпиады у них тезисов не нашлось. В это историческое время еврей еще о спорте не задумывался, еврей еще был курящий и сутулый. И еврейки для художественной гимнастики тогда мало были одаренные: им бы всё к матросам, всё бы надзирателей, которые в глазок зыркают, своим видом умывающегося тела способствовать.

Зато пошли в гору кадеты. У кадетов золото во всех командных дисциплинах, от фехтования до выездки. Народ русский так прямо заболел кадетской болезнью: и в поля хором, и по бабам. Вместо социальной все-таки придумалась сексуальная.

Лев Николаевич затих. Двадцатые годы он посвятил модификациям царизма. Невзрачный вид царя с его приказчицей бородкой никак не вязался ни с тросточкой и канотье, ни с теннисом, ни даже со смокингом островным. Однажды царь сидел у Толстого на крылечке пригорюнившись: всеобщая мировая слава того придавила таки этого. И вдруг Толстой говорит:

— А нук-нук? Еще раз руку на подбородок! Ну, как бы горюете, вашество, о России якобы думаете!

— Так вот? — царь слабо улыбнулся доброй и усталой улыбкой домашней скотины.

— Вот! — сказал Толстой и от избытка удовольствия хлопнул сухой ладошкой пробегавшую шатенку так, что ладошка отскочила. — Бороду брить пора! Это от бороды у вас глупый вид.

Сбрили царю бороду, пенсне прижали, галстух выпустили из груди и стал государь на фотокарточках в дневниках у гимназисток с Плехановым бороться. Плеханова ссадил, за Ульянова принял. Ульянов в те годы в Думе правил — левил то есть. Левил Ульянов широко: Волгу свою родную плотинами городить проголосовал, целину в Каракумах вскопать заставил. Толстой мучился. Это сам Толстой Ульянова в Олимпийский комитет ввел, как бывшего спортсмена по городкам, вместе со стрелком Савинковым, а там Ульянов сам пошел.

Никаких регламентов Ульянов не признавал. Уборщицы уж свет гасят, а он всё чешет с трибуны, всё приватизацию 1612 года отменить грозится. Фракция храпит, накрывшись шубами, но не расходится. Потому что после речи — в «Яр», к цыганам. Это на неделю загул.

Бронштейн после таких загулов всегда босой возвращался. Зимой, летом ли, осенью дождливой — босой от цыган и точка! Жена его лупила, зять страшал, дети рыдали — а неудавшийся Председатель Реввоенсовета гнул своё. Идет босой по Москве, а околоточные ему — честь! Сзади извозчик плетется, два паккарда следом, а впереди — босой Бронштейн! В Голливуде Чарли Чаплин тоже туфли свои знаменитые снял. Мир лёг.

А к Толстому в преддверие его столетия стал грузин приходить. Во сне. Ходит с трубочкой в руке в мягких сапожках и искоса поглядывает. А Толстой в это время сидит привязанный чулками к стулу. Трах! Ножки ломаются и Толстой летит в яму. Ползёт Толстой из ямы по каким-то отрогам. Подносит горсть к глазам: а из горсти на него десятки глаз выставились! И третий слева — глаз грузина!

27 августа 1928 года Толстому подогнали кадиллак и повезли на Николаевский вокзал. Москва утром 28 августа встречала писателя миллионной толпой на площади трех вокзалов. Из Индии привезли буйволов, запрягли их в арбу, наполненную ароматным кавказским сеном и повезли Льва Николаевича на Красную площадь. Здесь памятник Минину и Пожарскому оказался смещен к Василию Блаженному (не помогла и перемена истории), а у Исторического музея был покрыт материей какой-то холм. Вот там арба и остановилась.

Материю сдернули — Толстой вздрогнул. Ему предстояло века сидеть здесь на манер Минина, а вместо Пожарского с широким жестом руки на Кремль стоял тут Достоевский.

— Ну, спаасибо, — саркастически глуховатым старческим дискантом промолвил гений.

— Рады стараться!! — дружно грохнула Красная площадь.

В мировой экономической кризис Россия хорошо вошла. Местные евреи, переброшенные судьбой с бунта на банки, выкупили за бесценок все мировые известные бренды и в конце тридцатых в Екатеринбурге открылась Всемирная выставка. Толстого возили по стране в спецпоезде на магнитных рессорах. На богатых станциях Вятской губернии, как-то: Нея, Мантурово, Шарья, Котельнич машины местных крестьян запрудили привокзальные улицы до самых небо-скрёбов, толпы ликующих цветастых сарафанов, бархатных

поддевок и летящие в небо картузы — такой увиделась Льву Николаевичу впервые в его 110-летней жизни вятская сторона. А в Екатеринбурге Толстого посадили в стратостат и подняли в атмосферу на 347 метров: именно с такой высоты можно было увидеть все павильоны разом. В центре, конечно, русский павильон, как страны-основателя Мирового СНГ с центром в Опочке. И прочие излишества. Толстой попросил связать его по радию с Председателем Совета Министров Российской империи Антоном Деникиным и сказал ему буквально следующее:

— Я не могу смотреть, как раскормленные русские недоросли швыряют червонцы и бриллианты в игорных домах, как трескающиеся от жира купчихи закупают парижские моды в то время как голодают лесорубы Канады, а в Техасе от бескормицы и гражданской войны ковбои едят падаль! Стыдно! Да! Стыдно перед всем миром!

Толстой любил подпортить праздник, но каждый раз это было кстати. Люди понимали, что их радость незаконна и потому она становилась еще слаще. Толстой и это знал, потому что к 110 годам он знал всё.

Не знал, правда, только почему у его детей от третьего поколения медсестёр иногда встречается шоколадный цвет кожи.

Дерево

А началось всё с семечка, оторвавшегося от ветки дерева-матери и оснащённого двумя полупрозрачными крылышками, как у насекомых. Их, этих насекомых, великое множество реяло, сновало, роилось, погибало, рождалось вокруг кроны и в кроне дерева-матери. Различные короеды, шелкопряды, хрущи, медведки нападали и на само дерево. Своенравный шабаш насекомых с весны до ранней осени разыгрывался здесь. И в иные душные летние вечера дерево, казалось, уже не в силах было сопротивляться нашествию торжествующего прожорливого воинства летающих шестиногих, но еще одни пилоты — птицы — подобно карающей руке выхватывали из воинства целые когорты, легионы бойцов. Синицы, поползни, кукушки, козодой, иволги налетали с разных направлений к этому от-